

ВИКТОР ЛАПШИН

“СТРАНИЦУ НАУГАД ПЕРЕЛИСТНИ...”

К 70-летию со дня рождения

Перечитывая недавно изданную книгу избранных стихотворений Виктора Лапшина “Русская свеча”, вышедшую в Новосибирске в приложении к журналу “Сибирские огни”, снова и снова повторяешь про себя: “Поэт милостью Божией”.

Так и писал я о нем три десятилетия тому назад:

“Для того, чтобы войти в поэтический мир В. Лапшина, необходимо вслушаться в музыку стиха, медленно прочесть его, осознать, что значишь ты сам в этом мире, на земле, в космосе, в воздухе времени... Так заставляя задуматься лучшие стихи поэта — “Не кручинься, брат, веселись!..”, “Без искания, без искусства...”, “Туча вспучила озеро люто...”, “Нигде я мертвого не вижу...”, “Природы знаками немymi...”, “Мой гордый друг, не вопрошай...” И только войдя в мир поэта, ощутив родными самому себе его заветы, поймешь, что перед тобой один из тех, кто вплотную подошел к вершине “Золотой горы”, где “чудесным образом подают друг другу руки заклятые враги: красота и польза” (Александр Блок)”.

А об истоках своей поэзии написал сам Лапшин в короткой автобиографии;

“...В первую очередь из деревенского мира был перенесен язык, русская народная речь. Ее мне посчастливилось воспринять, так сказать, с молоком матери. Неудивительно, что впоследствии все выкрутасы и безобразные потуги всяческих модернистов были и остаются для меня и чужеродными и враждебными. Смешны стихотворцы, копающиеся в словаре Даля и переносящие чуждую для них речь в свои мертворожденные подделки-подделки. Мне повезло, я родился в море народного говора, а не на его бесплодном берегу...”

Отсутствие благоразумия и постоянные порывы — без них жизни моей не бывало. Никогда течение ее не отличалось безмятежностью и умеренностью. Великий литературовед и критик Вадим Кожинов успокаивал: если бы, дескать, у меня все шло гладко, не было бы моей поэзии. Похоже на правду...”

Для Кожинова — одного из самых строгих, взыскательных и тонких ценителей поэтического слова во второй половине XX столетия — поэзия Лапшина стала подлинным открытием и “нечаянной радостью”, которой он в отточенных, ясных формулировках сразу же поделился с читателями: “Что же неоспоримо значительно в творчестве Виктора Лапшина? Прежде всего — очевидная сила, воля, энергия поэтического голоса, которых так не-

достаёт в стихах последних лет, подписанных новыми именами... В каждой из... разнородных форм творчества Виктора Лапшина — особенный поэтический строй; даже самый их словарь, сама художественная лексика имеют явные отличия. И в то же время несомненно единая и глубоко личностная, творческая воля, воплотившаяся во всем этом многообразии...”

Но именно органичное соединение тонкого лиризма с философичностью, народного слова с классической нотой, идущей от Евгения Боратынского и Федора Тютчева — все то, что обрел, чем обогатил свою (и отечественную) поэзию Виктор Лапшин, все, что оценили в его слове Вадим Кожин и Юрий Кузнецов — у других специалистов на ниве литературной критики вызвало раздражение и агрессию. “Я, много лет назад этого Лапшина первым заметивший и поддержавший, сказал, что человек оказался на неверном пути — гордыни, озлобления, риторики...” — записал в своем дневнике в 1980 году Игорь Дедков. Жаль только, не удосужился он уточнить — какие именно стихи поэта спровоцировали его на подобную реакцию и где он увидел “озлобление” и “риторику”... Написанные к этому времени стихотворения Лапшина “Васька Буслаев”, “Красава”, “Колодец”, “Озорник”, “Портрет”, “На сборищах тщеславных шумных...” украшали страницы любого периодического издания. И лишь озлобленностью самого критика можно объяснить его выпад (догадываюсь!) против одного из самых замечательных творений поэта “О, если смутная година...”

Одна на свете нам отрада,
За все страдания награда:
Немедля в путь себя готовь, —
Да осенит твой дух смятенный
На Красной площади священной
Державы вечная любовь.

Да уж... Не для либерального уха.

Естественно, сожалелось о том, что “зря Лапшин в свое время не прислушался к словам Игоря Дедкова” и в результате оказался якобы “у разбитого корыта” (именно так называется статья о поэте) довелось прочитать в желтом листке, по недоразумению продолжающем носить имя “Литературная Россия”... Впрочем, это привычное дело. Кожин был прав — не должно было идти гладко. Особенно в годы, когда все чаще вспоминались тютчевские строки: “Теперь тебе не до стихов, о, слово русское, родное!”

Но и в эти годы, тяжкие во всех смыслах, а для русской провинции и людей, в ней живущих, тяжкие тройне, талант Лапшина не угасал. Стих становился тверже и лаконичней, тревожная нота вторгалась все чаще, но он писал и писал, не переставая.

После него остались не только неопубликованные стихотворения. Осталась переписка, часть которой он в целях сохранения прислал в “Наш современник”.

Это яркие человеческие документы. Размышления о природе творчества, добрые, благожелательные советы, которыми Виктор Михайлович делился со своими корреспондентами, открывают нам не только замечательного поэта, но мудрого, тонкого, чрезвычайно эмоционального человека. Его мгновенные, подчас противоречивые оценки прочитанного, его мысли о бытии человеческом, оценки его собственной поэзии такими ценителями, как Виктор Астафьев, Георгий Свиридов, Юрий Селиверстов Евгений Курдаков — все это, бесспорно, представляет не только исторический интерес. Это и яркие штрихи к человеческим портретам выдающихся деятелей отечественной культуры. А еще в этой переписке — отражение сложнейших и отнюдь не благотворных перипетий того злосчастного времени, когда начала распадаться держава, а прелюдией к распаду стало намеренное разрушение вековых символов, о чем рассказывается в письмах Вячеслава Клыкова.

Эпоха... История нашей борьбы... Поэзия... Все — в едином эскизе, на примере одной судьбы.

Подборку открывают стихотворения поэта, печатающиеся впервые.

Сергей Куняев

ВИКТОР ЛАПШИН

ЗНАКОМСТВО

*Вечер наш! Застолье загудело,
Побокую и мысли, и дела.
На меня ты странно поглядела
И глаза небрежно отвела.*

*Как твоя лукавая уловка
Подстегнула оторопь мою!
Только на тебя смотрю, плутовка,
Не кормлю соседку, не пою...*

*Гром музыкальный, дыма коромысла!
Даром что другим твой взор сверкал,
Отражённо он ко мне стремился,
Словно луч из тысячи зеркал.*

ВЁДРО

*Тихо-то как! Не иначе —
Время не Судным громам...
Вихри, стена и плача,
Мира покинули храм.*

*Солнце блаженствовать вправе:
Так лучезарно оно,
Словно в божественной славе
Только что сотворено.*

*Столько им дарено света
Милости Божьей подстать,
Что уж должна бы планета
Звёздочкой вечно блистать!*

*Всё, что таимо веками —
Вот! не гадай по руке,
Благо лазурь с облаками —
Сказка о белом бычке.*

ДРЁМА

*Все улетели птицы, до одной:
Не стало голубей и даже галок...
Ночная потасовка у пивной,
Стремительный по парку полушалок...*

*Блуждают в тучах мутные огни,
Срываются и вспыхивают ртутно.
Страницу наугад перелистни —
Пустой она окажется наутро.*

*Затворнический нежилой уют.
От печки смрад горелой рукавицы...
Смеркается, светает... И поют
Никем ещё невиданные птицы.*

БЕСЕДА

*Многоглаголивая свыше
Беседа породнила нас,
И всё смирнее, кратче, тише
Слова текли за часом час.*

*Но вот вмешался кто-то третий,
И вот уже во власти ты
У недомолвок, междометий,
У несказанной немоты.*

Письма Станиславу Куняеву

Дорогой Станислав Юрьевич!

Только что прочитал Ваш “Путь”¹. Стыдно мне стало: не знал я истинного Станислава Куняева!

Порадовался стальной силе стиха, а главное – верности Пути.
Я благодарен Судьбе за то, что моя жизнь соприкоснулась с Вашей.
Дай Вам Бог – всего!..
С искреннейшим уважением
Виктор Лапшин
26/II-83 года
Галич

Добрый день, Станислав Юрьевич!
Спасибо за книгу².

Викулову я не удивляюсь. И не обижаюсь на него. Когда Вы предложили мне прислать стихи для “Нашего современника” – вот когда я был удивлён! Что печатает Викулов?! Я имею в виду стихи. Чёрт знает что. За весьма редкими исключениями. Свои стихи я не хвалю, это далеко не шедевры, разумеется. И всё же... И я глубоко убеждён: у Вас ничего не выйдет, не оживите Вы журнальную поэзию. Пока у власти Викулов. А при Вашем характере – уйдёте из редколлегии³.

Лучший русский журнал. Великое делающий дело. И во главе журнала – бездарный стихотворец⁴. Диву даёшься... Потому и не обижаюсь. Я даже не прошу Вас, чтобы моё письмо оставалось “между нами”.

Просьба к Вам. Когда Викулов окончательно отвергнет меня (а это неизбежно), пришлите, пожалуйста, мои вирши мне. Я обещался “Волге”, а посылать – нечего.

Потому нечего, что не пишу. Какая-то тоска, сопротивление добру, в коем я продолжаю видеть старинное, могущественное зло. А писать о птичках и цветочках не могу. Читаю журналы, вижу торжествующую сволочь... Я просто помню свой, наш шесток. И ликовать не могу и не хочу. А без радости в душе какая работа? Прочитал сегодня Вашу статью в № 9 “Н. современника”⁵. Ужель Вам радостно? То-то и оно.

Жду Ваш ответ.
Жму руку, Ваш В. Лапшин
21/X-88 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!
Благодарю, благодарю за “Антологию”⁶!

Вот ещё какое дело. В середине апреля меня завалили в больницу после гипертонического криза. Говорят, я был на волосок... Кажется, нужно мне подумать о судьбе моего архива. Иначе его ждёт в Галиче судьба печальная.

Посылаю письма Свиридова, Астафьева, Шипилова, Клыкова, Курдакова. Думаю, им в Москве найдётся достойное место.

Всего Вам доброго. Привет Сергею.

Обнимаю, В. Лапшин

8 мая 2007 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!

...Кузнецов записывал свои сны, была у него для этого особая тетрадь. Хорошо бы сны опубликовать! Один сон (о Христе) он мне читал, – впечатляет. М. б. Батима пойдёт Вам навстречу?

Всего Вам доброго!

Обнимаю.

В. Лапшин

26/XI-07 г.

Дорогой Станислав Юрьевич!

Огромное спасибо! За всё.

Особенно сильны материалы № 3-го. Читал с упоением⁷.

Дай Вам Бог здоровья. Вы делаете великое дело, уже затмившее дела М. Меньшикова-публициста. В “Нашем современнике” много авторов. Но главный автор – Вы. Во многих лицах. Надеюсь, Вы знаете, что я не льстец.

Всего Вам доброго.

Обнимаю

В. Лапшин

4/IV-08 г.

Добрый день, Станислав Юрьевич!

Недавно я послал Вам мой галичский сборник, а ещё ранее – большую подборку. Думаю, что-нибудь журналу подойдёт. Отсев необходим, разумеется.

На днях копался в бумагах старых и нашёл письма Ю. Селивёрстова. М. б. они, вместе с прежде Вам отправленными, вам пригодятся. Превжные Вы видели.

Любопытствую в душе, думая о давно посланных моих кратких воспоминаниях о Кожинове и Кузнецове⁸. Начинаю подозревать, что что-то или как-то написал не так... И поэтому...

Всего Вам доброго. В. Лапшин

30/XI-09 г.

¹ Книга избранных стихотворений Ст. Куняева “Путь” с предисловием В. В. Кожина вышла в свет в 1982 году.

² Речь идёт о книге стихов Ст. Куняева “Мать сыра земля” (М., 1988).

³ Этого не произошло. В августе 1989 года Ст. Куняев стал главным редактором “Нашего современника”.

⁴ Эмоциональный всплеск В. М. Лапшина, его субъективный отклик можно понять, если учесть, что из подборки В. М. Лапшина, из присланных в “Наш современник” при главном редакторе С. В. Викулове, были опубликованы лишь 2 стихотворения (№ 12, 1986).

⁵ В № 9 ж. “Наш современник” за 1988 год была напечатана статья Ст. Куняева “Всё начиналось с ярлыков” о судьбе крестьянских поэтов.

⁶ Речь идёт о 3-м томе 5-томной “Антологии” избранных произведений, опубликованном в “Нашем современнике” за 1990–2005 годы (Муза надежды. Антология русской поэзии. Составитель С. С. Куняев. М., 2007), в которой были напечатаны 16 стихотворений В. М. Лапшина.

⁷ В № 3 “Нашего современника” за 2008 год напечатан цикл стихотворений В. М. Лапшина. В этом же номере были опубликованы письма В. А. Чивилихина, воспоминания Олега Игнатьева о Ю. П. Кузнецове, статьи Ю. Емельянова “Загадка смерти Сталина” и А. Севастьянова “Новая инквизиция”; а также статьи А. Баженовой о поэзии Светланы Сырневой и Э. Анашкина о поэзии Дианы Кан.

⁸ Воспоминания В. М. Лапшина и письма Вадима Кожина и Юрия Кузнецова к нему были опубликованы в ж. "Наш современник". См. "Восторга не теряющий" (№ 7, 2005), "Человеческий лик" (№ 2, 2006).

Письма Екатерине Козыревой¹

Добрый день, Екатерина Николаевна!

... Я рад за нашего гения²: видите, Ваши стихи понравились. Вы в самом деле пишете профессионально. Или – как бы сказал Ю. П. – прописываете стихотворение. Доводите, иначе говоря, до совершенства. Так это же и есть профессионализм, то есть ответственность и строгость (к себе, к слову).

В том стихотворении "не русский оборот" потому, что это в самом деле не русский оборот. Разве в народных песнях есть что-то подобное? Это "ать-ить-уть" началось, кажется, с Фета. Но – не грешил он этим постоянно. И Блок: "Грешить бесстыдно..." Пастернак уж за ними.

Кузнецов прав: надо много писать. Каждый день надо писать. Выйдет – хорошо, не выйдет – что поделаешь. Я вот не всегда могу каждый день – и маюсь из-за этого. Зачем ждать случая? Вся-то наша жизнь – как бы случай.

О сознательном творчестве боюсь думать. Знаешь, бывает, о чём надо сказать, а как – надо слушать и ждать. Иначе – насилие, "сознательность", неудача.

Кажется, я ответил на все Ваши вопросы, которые вы назвали "детскими". Это вопросы – самые главные. И графоман, гордое ничтожество их не задаёт, он их просто не знает. Так что, у Вас, на мой взгляд, всё в порядке.

Всего Вам доброго.

В. Лапшин

14/IX-89 г.

Извините за сбивчивость: я прихворнул, мысли путаются.

Добрый день, Катя!

Не слишком ли мрачно Вы смотрите на русский народ? Я не думаю, что русский дух исчез. Если б это было так, то и бесов бы не видели – воочию.

Лучше Кашпировского не смотреть³. Если даже он добр (а есть большие сомнения), его оружие – обоюдоостро. Есть и в Галиче люди пострадавшие от него серьёзно. На меня почему-то он никак не действует. Два раза глядел, а потом мне стало смешно и очень неприятно.

Да, вера, да, православие. В них спасение. А давно ли Вы читали Лескова? Скажем, "На краю света"? Или "Скомороха Памфалона"? Или "Час воли Божией"?

О какой праздности души Вы говорите? Смешно сказать: "Душа обязана трудиться..."⁴ Ничего она не обязана. Да и праздной быть она не может. Усталость – да, но не праздность. Это у всех бывает, всё волнообразно. Хотя, конечно, порой "упадок" мучителен, пугающ.

Рад за Вас. Книжка будет хорошая. Глушкова (гневающаяся на меня) может Вам, честь ей и хвала.

Свою книжку я Вам пришлю, попозже. Пока – голова кругом.

Желаю Вам всего доброго.

В. Л.

13/XI-89 г.

Катя, здравствуй!

Спасибо! Всё очень ладно. Деньги я послал тебя позавчера, получила ли?

А я читаю И. Брянчанинова – о падших духах и человеках, – вообще – о святых Отцах и святых Отцов⁵. И земная мудрость (с поэзией вместе зримо для моих душевных глаз) меркнет.

Ничего не пишу, с чем ты и можешь меня поздравить.

Жду твои стихи в "Лит. России". Но сейчас все с ума сошли, после гос. и лит. переворотов⁶.

Постараюсь приехать в середине октября.

Всего тебе доброго.

Катя, здравствуй!

... Что ты там с подружкой говорила о Солженицыне? Я-то знаю, что он, извини, — козёл. Давно подозревал я... и вот жизнь показала его истинное лицо. Средний прозаик, одержимый манией величия, демократический тиран, политический труп, разжиревший на жидовских долларах, враг России, а значит — Бога. Всё мы верно понимаем “с этой демократией”, не сомневайся. То ли ещё предстоит! Читала ли ты книгу Рида “Спор о Сионе”?..

Солоневича “Монархию” мне надо!!! Но! Сколько стоит она? Хватит ли тех, 60-ти рублей? И за почту ведь надо платить... Если можно, пришли.

Галковский — гений⁷. Но, как всякий гений, он заключён в собственную непроницаемую скорлупу. Мир в него валится, в нём варится безвыходно. Кроме того, не могу не думать о Розанове, когда читаю Галковского.

Всего тебе доброго!

Берись за всё, что предлагают, сейчас это дар Божий. Я бы рад — в сторожа!

Пока всё.

В. Лапшин

22/IV-92 г.

Катя!

... Чтобы несколько тебя развеять, посылаю одно из своих новых стихотворений — “Кузькину мать”, которое ни патриотам, ни демократам не понравится. Что поделаешь, я следую не доктринам, а правде подлой жизни...

Пока нашим не показывай. Я им скоро пришлю.

*Не грусти, не печалься, не сетуй,
У окна обомлело не стой, —
Закуси лучше стопку котлетой,
То бишь нищего светлой мечтой.*

Не тужи, Катя! Что толку? Жить надо! Чаша — наша, питьё — Богово: пей до дна!

До встречи!

В. Лапшин

20/X-92 г.

КУЗЬКИНА МАТЬ

*По Богом забытой дороге
(Откуда, куда — не узнать)
В полуденном лиственном вздроге
Шли Кузька и Кузькина мать.*

*Он в драной заморской тельняге,
Она — словно в чёрном дыму.
Пел Кузька о гордом “Варяге”,
И мать подвывала ему.*

*Вдруг видят: на взгорке покато
Лупцуют друг друга под дых —
“И-эх!” — патриот с демократом,
А рядышком пара гнедых.*

*Один (как-то странно знакомый)
Во гневе кусает губу:
“Утритесь вы с вашим законом!
Европу я видел в гробу!”*

*Другой (не похоже, что местный)
Вертит кулаком-кистенём:
“Молчи о России Небесной!
Гори она синим огнём!”*

*Слегка призадумался Кузька,
Поморщилась Кузькина мать.
Махнули рукой они: “Пусть-ка!
Побьют ещё, коль разнимать”.*

*Под покрик, да взбучку, да встряску
 (“Иисусе, насилу спаслись!”)
Уселась, родные, в коляску
 — “Ню, милые!” — и унеслась.*

Так-то! А вы говорите...
23 сент. 92 г.

Катя, здравствуй!

Покупаю книги по богословию, читаю, думаю, — стыжусь и негодую на себя.

О. Сергей Махонин плоховато понимает дух русской литературы начала XX века. Символизм — истинная свобода? Да, свобода. Свобода от Бога, от Православия. Свобода тяготеть... к сатане. О советской литературе он верно говорит. Но не совсем. Наряду с советской росла и существовала у нас русская литература (Платонов, Шолохов, Белов...)

На катехизаторские курсы, конечно, поступай. Это будет твоё настоящее дело — православная гимназия. Дай тебе Бог. Если будут затруднения (с возрастом), обратись за помощью к священникам, чтобы они посодействовали.

Пока всё, Катя. Пиши.

Всего тебе доброго.

В. Лапшин
10/II-93 г.

Катя, здравствуй!

Сперва о делах. Бандероль (с деньгами) я от Беляя получил. О чём ему и сообщил недавно. Ещё послал для “Лепты” стихи. Прошу тебя узнать у него, получил ли он их. И сразу ещё одна просьба. У меня пылится лет пять замечательная сказка, стихотворная, абхаза Таифа Аджбы — в моём, хорошем, переводе. 208 строк всего лишь. Хорошо бы её тиснуть в “Лит. России”. Узнай, можно ли туда её послать. И кому. Кажется, Аджбу грузины убили⁸. Так что это мой дар абхазскому народу.

Стихи твои, “Во тьме”, хороши. Насторожило меня только одно: “блеск, вино и яд струится, веселеет, сатанеет”. Я бы написал: струятся, веселеют, сатанеют. Концовка сильная. Ты, Катя, явно растёшь, поздравляю. Лихие времена тебе на пользу, видимо...

Каковы мои дела? Обанкротился “Евроросс”, пропала поэтому моя рукопись тамошняя. 18 дек. Кожин говорил обо мне в передаче “Русский огонёк” на радиостанции “Радонеж” (?). А всё остальное — Галич. Настроение — паршивое.

Не болей! Пиши! Жду.

С Новым годом! В. Л.

С Рождеством Христовым! 22/XII-93.

Катя, Катерина, здравствуй!

Всех ты переплюнула: кто из наших в 97-м году книжку издал⁹?.. Изданы “Качели...” хорошо. Рада ли? Я для себя отобрал из них “Цветок”, “То не стакан гранёный...”, “Какое небо над водой...”, “Тютчев”.

Да, Ю. П. Тютчева напрасно развенчивает¹⁰. Когда-то мы с ним (за столом) об этом говорили... Я ему написал, что к Тютчеву он так отнёсся всё

же... из любви к Тютчеву. А написал (и не только, и не столько об этом) после получения от него томов Афанасьева, его книжки “До свиданья...”, книжки Сырневой¹¹. По моей просьбе земляк встретился с Ю. П. в Москве и всё мне привёз. Само собой — и письмо.

А что Хворостовского духовное пение (“Святой крепкий...” и т. д.)? Стоит она, кассета, не более десятки, так я же тебе деньги бы сразу же выслал (и за посыл). В. Непомнящего статьи о Пушкине я читывал, нравятся. Но книги его “Поэзия и судьба” у меня нет. А что должен был написать по этому (не по этому?) поводу Ю. П.?

Галковский, естественно, отпадает. Пусть его читают новые русские и интуристы русскоязычные, имеющие доллары. Да хрен с ними, с старинными и новейшими розановыми. Нет ли в них огромной, сколлапсированной червоточины... Брюзжание, изредка благородный гнев... Но это всё — сбоку, рядом с телейгой русской словесности, суть творчества.

Такие пироги. Спасибо тебе, не забываешь ты меня, старого грешника. Всего тебе самого-самого!!!

В. Лапшин 4/VI-97 г.

¹ Козырева Екатерина Николаевна, поэт. Автор 6 поэтических книг. Лауреат Всероссийской литературной премии “Традиция”.

² Речь идёт о Ю. П. Кузнецове.

³ В 1989 году на центральном телевидении СССР стали демонстрироваться “Сеансы здоровья врача-терапевта Анатолия Кашпировского”, которые трудно было расценить иначе, как зомбирование населения.

⁴ “Душа обязана трудиться...” — строка из стихотворения Н. А. Заболоцкого “Не позволяй душе лениться...”

⁵ Речь идёт о “Слове о чувственном и духовном видении духов” святителя Игнатия Брянчанинова.

⁶ Имеются в виду государственный переворот августа 1991 года и насильственная смена руководства Союза писателей СССР в том же месяце.

⁷ Так поначалу В. М. Лапшин оценил фрагменты из книги Д. Е. Галковского “Бесконечный тупик”, опубликованный в “Нашем современнике” (№ 1–2, 1992) с предисловием В. В. Кожина.

⁸ Таиф Аджба, классик абхазской литературы, был расстрелян грузинскими боевиками в октябре 1992 года. В 1990 году в Москве вышла его книга стихотворений и поэм “Вместо точек” в переводе Виктора Лапшина.

⁹ Речь идёт о книге Е. Козыревой “Качели над обрывом” (М., 1997).

¹⁰ Имеется в виду стихотворение Ю. П. Кузнецова “На родине Тютчева” (1997).

¹¹ Речь идёт о книгах Ю. П. Кузнецова “До свидания, встретимся в тюрьме” (М., 1995) и С. Сырневой “Сто стихотворений” (Киров, 1994).

Письма Елене Балашовой¹

Лена!
(Елена Львовна!)

Мне не только не докука письма твои, а, напротив, они мне лестны: тем, что они исповедальны. А это честь для меня, грешного галичанина.

Галич... Ну-с, и ладно, что Приозёрск — любовь, а Галич — нет. Дело сердца, не ума. А мне вот Кострома ненавистна, а Вологду люблю. Ничего не поделаешь, лишь бы русское, или, как ты пишешь, наше. Сердце-то главное. Бог с нею, с книгой. Будет — прочитаю. Того интереснее, ежели сама мне о городе сём расскажешь. (Тут ты — галичанка, а там? Приозёрщица? Приозёрница? Приозёренка? Преозорница-преозоренька.) Кстати, и Галич — приозёрен. Фу! Сколько всего!

“...Ненавидеть всех людишек... “жить проще”... не умею понять, и оттого злюсь на себя... придумали, что существует любовь, верность, поэзия, придумали, чтобы обмануть, и сами посмеялись... не могу разобраться даже (что всего труднее) в себе...”

Это мне знакомо. Как и всем людишкам. Это общий бич. Это-то и заставляет всех сгрудиться, собраться вместе. А там (в груди), конечно, и смех, и удавка, и прочее. Но... смерть на миру красна. Это они, людишки, сказали. О себе. Плохо быть одинокому среди людей. А без людей? Лучше и не думать. Слава богу, что никто (даже граф Толстой) не может разобраться в этом. Если б разыгрались – жить-то зачем? И живём, чтоб разобраться. Всё к совершенству стремится? А что это такое? По-моему, чтоб было совершенно целое, нужно иметь части его несовершенными. Вот и плачь, вот и кусай подушку, ненавидь всех и себя – и люби эту распроклятую жизнь, которая одна дорога́ и одна – доро́га.

Насчёт “проще жить”. Тот, кто так говорит, стоит внимания. Если он умён – может сказать так в утешение. Если ж глуп – отвернись и уйди. Но я согласен с твоим пониманием этой фразы. В этом секрет юности души и источник (как там её?) поэзии. Вот-с.

Я тоже живу сегодняшним днём и не говорю “гоп” не перепрыгнув.

Так. Хватит. Заболтался, как Мазай.

Всего доброго.

В. Лапшин

3/1-73 года.

Лена!

Начну по порядку, чтоб сумятицу побороть...

Пусть девять пар глаз видят твою чистую бумагу, а твои глаза за этим ничтожным, всемогущим листком мир провидят и тайну его торжественного существования. Конечно же, ты выше их, это правда, стыдиться “перед народом” этого нечего. Так было, так будет. Она туловище, тело, а ты дух и высокоий, глаза пророческие, сияние золотое овевающее, стремительную глыбу “народа”. Да, надо подняться – и над собой тоже, ведь без этого не сдюжить, не вытерпеть “бессмертной пошлости людской”. Я знаю эту ярость – и благодарен ей. Она и только она несёт меня, мои ноги по волнам, не давая утонуть. Да здравствует священная ненависть – это лучше же для этих людей. Это любовь и есть, и так всегда – вечно меж людьми. Иначе было бы одно молчанье гробовое или маниловщина прудовая.

Стихи стали слишком философскими? Значит, это необходимо тому началу, которое движет тебя. Нужно ему безусловно покоряться, оно не обманет. Будешь противиться – не дойдёшь полноводно до своей Астрахани, не примешь в себя тыщи рек и ручейков. Слушай “бога” – и ты будешь на высоте. Это минует, другое народится, так должно быть – и слава богу. Таскать в себе “кучу ерунды” – необходимо поэтому. Волга таскает – и ничего, великой остаётся. Да будет одиночество от века... Ты права, одиночество – это дар бесценный для того, кто пишет стихи (настоящие). Без этого нет творчества. Моя мечта – жить в медвежьем углу и выбираться оттуда лишь для добытия пищи.

Добро и зло в людях я совмещаю. Увы, жизнь моя – не твоя, моя научила этому. Возмущаться я не могу и, поверь, права не имею. Да вряд ли кто имеет – заметь. Кто жил в чистоте, тот может винить другого в грязи. Поживи в грязи – сохрани чистоту – вот мудрость. Мне это редко удаётся, поэтому я об этом даже и писать не пытаюсь...

Ну, Лена, пока всё. Напиши мне строчек десять, они будут с тыщу весить. Будь молодцом!

14/XI-73 года

Лена, здравствуй!

Значит – Правда Земли? Сердцем понимаю, вообще – понимаю, но лучше бы тебе написать, как ты её представляешь? И как и зачем понесёшь её зная к людям – в Завтра? Не напишешь? О том, что я верю тебе и верю в тебя – могу говорить хоть Будде...

Моя поэма была в Москве и не понравилась Кожинову, стиль её не понравился. Об этом я узнал у Старостина, с которым во время гощения в Костроме у Ю. Бекишева встретился. Был с 19 по 21 февраля. Надо будет пе-

ределявать. А в ней 800 строк. Да ещё вторую поэму начал, половину отгрозил. Ужас!²

Шли стихи, жду письмо.
Всего доброго, Витя
27/II-75 г.
Сегодня мне – 31 год. Старость.

Лена!

Громадная просьбища! Не сумеешь ли ты помочь мне в записывании народных старых песен, наговоров (заклинаний), частушек, баек и проч.? Если я соберу со всего района – то в Ярославле будет книга. Это мне обещано. Там у вас есть ведь старые люди, поспрашивай их, а?

Непременные условия записи текстов:

1) как поют, как говорят, со всеми ошибками – так и записывать.

2) непременно указать деревню, от кого записано, сколько лет ему.

Если, Лена, ты сможешь мне, это будет великолепно. Значение сей работы, думаю, сама понимаешь.

Как твоё здоровье? Стихи? Почему от тебя давно ни слуху ни духу?

Ответь мне, ладно.

Твой Виктор Лапшин

¹ Балашова Елена Львовна – поэт, автор поэтических сборников “Заколдованный круг” и “И высокий свет”. Живёт в Чухломе.

² Сейчас уже нельзя сказать, какая из ранних поэм В. М. Лапшина не понравилась В. В. Кожинуву. Вторая поэма – высоко оценённая Кожинувым “Дворовые фрески”.

Из архива Виктора Лапшина

Письмо Виктора Астафьева¹

Дорогой Виктор Михайлович!

Мне в общем-то нравится Ваша поэма² – складная-ладная, хорошо расчленена. Молодец!

Но надо над нею, на мой взгляд, ещё поработать, чтоб она стала не просто поэмой и “заметным произведением”. Прояснить стих, не загромождая его старомодностями; продолжить поэму и “нагрузить” её большими событиями, столкновениями и той лесной “чертовщиной”, которую Вы так хорошо ведаете и которая только появившись в конце и заглохла. Мне думается, поэма выиграет оттого, что Вы её назовёте поэмой-легендой и придадите ей ещё более “неземную” тональность и окраску. Мне Ваша поэма видится в два или даже в три раза длиннее – столкновение естества и энтээр этой самой пока что у Вас выборматывается, причём сын саморазоблачается, а надо бы как-то потоньше это и поглубнее сделать...

Желаю Вам удачи.

С Новым годом!

Кланяюсь – В. Астафьев

10.12.1979 г.

¹ Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – автор более 60 книг романов, повестей и романов, трёх собраний сочинений. Дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького и Государственной премии Российской Федерации.

² Речь идёт о поэме В. М. Лапшина “На Горыни”.

Письма Георгия Свиридова¹

Москва–Дарьино, 31 авг. 1986 г.

Дорогой Виктор Михайлович!

Спасибо Вам за память! Письмо Ваше получил на днях, почти четыре месяца не был дома: два месяца с лишком в больнице, а потом ещё два – в клиническом санатории. Теперь я чувствую себя получше, хожу, гуляю, лечусь в домашних условиях. К работе ещё не вернулся, надеюсь на лучшие времена, на Бога! Как Вы славно написали! Душа Ваша добрая и мягкая находит простые и сильные слова. Я читал большую подборку Вашу в “Дне поэзии” – отличная подборка². Мне очень хорошо говорил о Вас В. Кожин, человек строгих вкусов. Желаю Вам добра и вдохновения. Жизни сейчас очень нужно вдохновенное русское слово.

Будьте здоровы! С искренним уважением

Г. Свиридов

Дорогой Виктор Михайлович!

В конце минувшего года получил Вашу новую книгу стихов³. Сердечно Вас благодарю за память и прекрасный подарок. Поэзия Ваша, которую я знаю уже давно, остаётся близкой и дорогой моему сердцу, несмотря на все житейские перемены и передраги. С удовольствием увидел в книге Ваш портрет: какое чистое лицо! Таковы же и Ваши стихи...

Время наше трудное и на редкость мрачное, но Вы должны беречь и хранить свою силу. Пусть души Вашей не коснётся тление и уныние.

Примите мой душевный Новогодний привет. Желаю счастья и здоровья Вам и всем Вашим близким.

Г. Свиридов

12 января 1990 года, г. Москва

¹ Свиридов Георгий Васильевич (1915–1998) – композитор, пианист. Лауреат Сталинской, Ленинской и двух Государственных премий СССР.

² Подборку из 15 стихотворений В. М. Лапшина опубликовал главный редактор “Дня поэзии” 1983 Ю. П. Кузнецов

³ Речь идёт о книге В. М. Лапшина “Мир нетленный” (М., 1989).

Письма Юрия Селивёрстова¹

26.03.85.

День добрый, Виктор... (для обращения не хватает отчества, хотя и вполне хватает для молитвенной памяти).

По порядку. Всякое доброе беспокойство есть дело доброе, тем более, что существо просьбы о делах братних. Далее “серьёзность” чаще в делах может остаться не более, чем курьёзностью, в “желании **послужить**” уже много, что значит. Ведь недаром же этим словом мучился Гоголь. А вот уже на следующей фразе “Он лишён чувства тщеславия начисто” я споткнулся. Ибо и память о Гоголе сему весьма противоречит. Да и, честно-то говоря, без этого пакостного “тщеславия” в этом пакостном искусстве делать нечего. Ну, да это при встрече. Будете в Москве, пожалуйста на чаёк, для рифмы на часок. Знакомство с Вашей поэзией (хотя и весьма необъёмной по Дню поэзии) меня радостно обрадовало и открылило. Поэзия-то нынче, прямо скажу, не частая гостья. Да и хорошо! В частотных-то колебаниях и дышать было бы трудно, да и под кол-вом быть суху трудно. А сам-то я тоже заговариваюсь. Дай Бог! И всякой силы и всякой радости в творчестве. (Правильнее, коли Вы “словотворец” – в твАрчестве.)

В поклоне Ю. Селивёрстов

85 весна

25.09.88.

Уважаемый Виктор, признателен за книгу стихов во-первых и во-вторых за книгу стихов прекрасных!² Очень жалел, что Вы не смогли побывать у меня, Кузнецов объяснил Вашим недомоганием. Когда будете в Москве, то непременно пожалуйте в гости в мастерскую...

В стихах нашёл некое двоякое понимание “Вины”³, мне же думается, что чувство вины есть самая главная и отличительная черта нашего народа; затем чувство правды — красоты и острое отношение и чувствование смерти. Жду, когда наша “дума” осилит понимание **русского раскола** (разумею, не религиозное событие 17 века).

В поклоне грешный Георгий
Ю. Селивёрстов

Дорогой Виктор!

Рад был твоему письму, твоей отзывчивости и вниманию к творчеству других.

И не буду лукавить... не сомневаюсь, что ты говоришь и рекомендуешь хорошего поэта,⁴ но не смогу содействовать и даже помочь советом, ибо не просто занят (это выше моих возможностей), но, главное, зверски устал, а планы на годы.

Сдаю “О Великом инквизиторе. Достоевский и по-следующие...” — составление, предисловие, междусловие и цикл иллюстраций и портретов. Ещё не до конца редактор вычитал “...Из русской думы”, а за мной ещё слово предваряющее. Срочно будем готовить в “Молодой гвардии” издание “Нового Завета”, то что я делал анонимно в изд. отд. патриархии.

Впереди весь Гоголь и за мной ещё работы по Пушкину. А проект? А... а-а — и стоит колом в глотке адовый вопль: а-а-а. Не смогу. Ради Бога, прости. Будешь в Москве, хотел бы не только повидаться, но кое-что предложить для...

До встречи и ещё раз извини.

Кланяюсь Ю. Селивёрстов

07.06.89

¹ Селивёрстов Юрий Иванович (1940–1990) — художник, архитектор, директор художественно-духовных программ Культурного центра “Русская энциклопедия”.

² Речь идёт о книге стихов В. М. Лапшина “Желание” (Ярославль, 1988).

³ Очевидно, Ю. Селивёрстов имел в виду стихотворение В. Лапшина “Ответ”: “Корите спесью: где она? На всех равно лежит вина. Смиритесь прежде вы...”

⁴ Речь идёт о галичском поэте Юрии Ивановиче Балакине (1932–2006).

Письма Вячеслава Клыкова¹

Уважаемый Виктор Михайлович!

В Москве, в Манеже открыта Всесоюзная выставка конкурсных проектов на памятник Победы советского народа в ВОВ. 41–45 год. Памятник должен устанавливаться в Москве на Поклонной горе. Прежний, жульнический, волонтеристский проект был осуждён общественностью летом 1986 года. Пресса стыдливо умалчивает о страстях в Манеже, дезориентируя народ редкими фальшивыми сообщениями. А в Манеже идёт настоящая Куликовская битва идей, умов! Правда, в “Сов. культуре” за 29 января пробили голос В. Распутина, и, как всегда, голос этот выражает Глас народный. Он писал об одном проекте № 206 шифр 123-740. Действительно, вокруг этого проекта ежедневно ведутся дискуссии, споры, стихийно образуются обсуждения. Подавляющее число посетителей этой выставки отдадут голос за этот проект! Видимо, он выражает пробуждающееся самосознание, в первую очередь, русского народа. Борьба ведётся между двумя идеями. Одна выражается символом — наша история начинается с 1917 года.

Другая выражается символом — наша история имеет тысячелетние корни. Это — главная борьба сейчас в нашем Отечестве. Вот почему масоно-сионистская печать молчит и не информирует народ, что происходит сейчас в Москве, в Манеже.

А на Памятник поступают народные деньги. Народ ничегошеньки не знает: на что, куда идут его денежки.

Сейчас начнётся период газетной потасовки. Ведь надо же **ИМ** как-то возразить Распутину! До сих пор **мы** наносим им удары первыми. Они не могли противопоставить нам свою достойную Идею. И защищать им нечего. **Их** цель замутить воду, т. е. навязать опять новый конкурс, и там можно растворить потом и хорошие идеи и срезать стоящих за этими идеями личности. Такую тактику в памятнике Победы они ведут уже 30 лет, с 1957 года.

Но настал предел этому! В Москве русские патриоты встали на защиту проекта № 206!

Просьба к вам, Виктор Михайлович, присоединиться к нам, нашим патриотам! Сейчас нет больших или малых людей в этом исторически важном для судьбы нашей страны деле. Оттого каков будет символ над Москвой, читай над Страной, зависит положение дел в нашем Отечестве в будущем.

Сейчас в борьбу вступает слово. Оно неизмеримо сильнее, чем у этой космополитической сволочи!

Сейчас нужно писать в Центральные газеты. (“Правда”, “Сов. Россия”, “Сов. культура”, “Комсомольская правда”, “Красная звезда”).

Желательно отметить следующие пункты.

1. В нарушение Постановления партии и Правительства, конкурс проходит всё-таки кулуарно. Видеть работы на выставке могут только москвичи.

2. Не худо было бы организовать 2 раза в неделю по ЦТ передачу из Манежа под рубрикой “Народ выбирает, народ предлагает”.

3. Конкурс длится 30 лет! Ненужные траты времени и народных денег.

4. Выбрать за основу проект № 206 шифр 123740. И сосредоточить средства и силы на разработке его.

5. Немедленно прекратить на Поклонной горе разрушительное строительство.

6. Восстановить Поклонную гору и демонтировать Музей Славы.

7. Прислушаться к мнению народа. (Народ – глас божий).

Виктор Михайлович, сообщите в Кострому, в общем поднять нужно пишущий народ в Костроме!

Вологда, Курск, Красноярск, Иркутск, Псков, Ростов-на-Дону встали вместе с москвичами на защиту проекта № 206! Нужно прорвать эту атмосферу молчания, эту сионистскую завесу в прессе. Посылаю такое послание Вам без извинений в нарушении этикета и т. п. Сейчас не до этого! Идёт самая настоящая война!

Обнимаю Вас.

Желаю сил, крепости духа. Мимолётная вологодская встреча, для меня очень значимая, убедила меня в том, что у нас появился изумительный поэт и настоящий гражданин.

Дорогой Виктор Михайлович!

Спасибо за поддержку!

Так и должно быть у нас: тревога в любом конце страны – должны на выручку подняться по первому сигналу все наши лучшие силы!

Идёт открытая война! Сил у нас ещё мало, многие просто спят, а потому один **наш** должен противостоять сотни **их**.

17 февраля заседало в последний раз Жюри Конкурса.

Мнение (но не решение) Жюри – Конкурс не выявил “достойного” проекта. Объявить новый всесоюзный конкурс.

Это вроде как собрать урожай после основной первой сборки. За проект № 206 проголосовало более чем в два раза, чем за все вместе взятые проекты (их было около 400). За проект № 206 были резолюции общих собраний московских архитекторов, художников, писателей!

Тем не менее Жюри не приняло это во внимание, обозвав реакцию общественности “нездоровым ажиотажем”. Для того чтобы опорочить проект № 206, в ход были пущены размноженные фотографии с какого-то памятника в Брянске и переданы были в Жюри. Дескать, вот, мол, проект № 206 вторяет этот памятник. Вчера я достал эту фотографию, чтобы размножить и разоблачить жульнические приёмы Жюри. Этот памятник так же похож на мой, как телеграфный столб на водокачку. Похоже на то, что усилия Жюри

были направлены на то, чтобы преградить дорогу проекту № 206.

Уж лучше вообще отменить Всесоюзный конкурс, чем выделить проект № 206!

Как же **они** боятся **наших идей!** Жюри и кто за ними стоит совершили роковые ошибки, которыми мы должны воспользоваться.

Вот они:

1. Небрежение и неуважение к художественному потенциалу страны (какой ни есть, а он есть).

А судьи – кто?

Плевок художникам, скульпторам, архитекторам из разных республик и городов нашей страны.

2. Оскорбления общественного мнения. Просыпающееся самосознание народа было пренебрежительно ошельмовано в “нездоровый ажиотаж”.

3. Кошунственный приговор нашему поколению, как несостоятельному и лишённому права (кем?) утвердить себя в истории. В этом праве **они** лишают нас вот уже 30 лет только в одном примере – проектирование Памятника Победы на Поклонной горе ведётся уже 30 лет!

4. Недостойными жульническими приёмами членами Жюри была организована кампания против одного проекта № 206, между тем члены Жюри должны беспристрастно взвесить и мнение народа, и мнение отдельных общественных организаций, и мнение прессы. Из каких массонский лож дано было указание прессе и телевидению молчать о конкурсе? С какой целью? Или это мнение народа? Или это указания Партии и Правительства?

Всё, кончилась муть! Выставка в Манеже и обсуждение проявили давно существующую грань между патриотами страны и врагами её. Сторонних не может быть – или **с нами**, или против нас!

17 марта мы проводим вечер на тему: “Мир спасёт красота”. Не смогли бы Вы принять участие в этом вечере? Это будет первый у нас на эту тему вечер. На ваше усмотрение два-<три> стихотворения ваши. Прочитать нужно самому... В вечере будут принимать участие лучшие исполнители (чтецы-певцы), учёные, скульпторы. Цель – выработать мощный позитивный взгляд, свободный от расчленённости и т. п.

Скорее так: “Сотри случайные черты, и ты увидишь – мир прекрасен”.

Если будете в начале марта в Москве – поговорим об этом. Я не могу с вами согласиться в оценке Распутина².

Мы склонны предъявлять счёт другим по высшим категориям, между тем такой счёт нужно предъявлять прежде всего себе. Вспомните, “Кто бросит камень в блудницу?”

Писатели тоже люди (как и Лев Толстой), и они делают человеческие ошибки, как и все мы. Потом не забывайте, что В. Распутин совсем на другой высоте стоит, неизвестно, как бы мы устояли на этой высоте.

Предисловие к “Ягодным местам” объясняя провинциальной, наивной добротой и неосведомлённостью “кто есть кто”. Сейчас Распутин уже не тот. И наконец, есть “Матёра” – прощание; я думаю, что там есть строки, под которыми бы подписался и Достоевский, а Льву Николаевичу и не снилось подняться до такой высоты.

И потом не время сейчас искать блох у своих; время объединиться, сплотиться и действовать плечом к плечу. Иначе нас раздавят, разъединят, рассорят и поодиночке срежут головы, как **Они** это делают вот уже 70 лет.

На днях был у Свиридова, с завистью посмотрел на вашу книжку на его книжной полке, но взять, посмотреть – постеснялся!

Всего доброго.

Желаю Вам крепкого здоровья и творческих сил.

В. Клыков

Весна 87 г.

¹ Клыков Вячеслав Михайлович (1939–2006) – скульптор, лауреат Государственной премии СССР, Президент Международного фонда славянской письменности и культуры. Председатель возрождённого Союза русского народа. Письма В. М. Клыкова В. М. Лапшину посвящены драматической истории борьбы за установку памятника Победы на Поклонной горе. На открытый конкурс В. М. Клыков представил проект: высокая белая часовня-звонница, напоминающая своим

очертанием храм Покрова на Нерли. Этот проект собрал наибольшее число голосов, после чего конкурс прикрыли и явочным порядком отдали заказ Церетели, под уродливый “проект” которого Поклонная гора была фактически снесена. См. также “Открытое письмо искусствоведу Никите Воронову и жюри конкурсных проектов главного монумента памятника Победы” за подписью 30 писателей (Василия Белова, Владимира Крупина, Олега Волкова, Станислава Куняева, Евгения Носова, Валентина Распутина, Юрия Лощица и др. “Наш современник” № 6, 1987).

² Речь идёт о предисловии В. Г. Распутина к роману Е. А. Евтушенко “Ягодные места” (“Слово о романе”. “Москва” 1981, № 10).

Письма Евгения Курдакова¹

Здравствуйте, дорогой Виктор Михайлович!

И у меня нет Ваших книг, удалось лишь наспех посмотреть их у Вадима Валериановича, — раньше же читал только подборки Ваши — замечательные.

Этот мой сборничек в “домашнем” переплёте — из оставленных для себя, — не обессудьте, нет ни одного вольного экземпляра.

Был недавно в Москве и Брянске на тютчевских праздниках поэзии, познакомился, наконец, с теми, кого уважал издали, за кем следил с волнением, — с Кожинным, с Чухонцевым, с Куняевым. Подружились мы и с Борисом Сиротинным, он мне немного рассказывал о Вас, о Вашем нелёгком быте, о Вашей с ним переписке.

Два незабываемых вечера беседовал с Кожинным, услышал много толкового (о стихах своих), но ситуация замеченной мною борьбы в литературной Москве осталась для меня не совсем понятной. Всё же с корабля на бал следует попадать несколько медленнее: многим был буквально ошарашен, о многом и не подозревал.

Хотелось бы иметь Вашу книгу, мне близки стихи Ваши (внутренним), — и, если бы Вы прислали мне книгу, я был бы на время вполне счастлив.

Всего доброго Вам, Виктор Михайлович, до свиданья, Евг. Курдаков

Дорогой Виктор!

Был в отъезде (мотался в экспедиции) — и поэтому задержался с ответом.

С облегчением перехожу на “ты” — мне тоже легче так, — и сразу благодаря тебя за “Позднюю весну” — она доставила мне редкую радость знать, что Русь мудра и неиссякаема, сердечна и праведна, что бы с ней ни вытворяли, что бы о ней ни говорили вокруг и далече. . . Ещё раз благодарю тебя и за поэзию, и за то, что ты есть, прекрасный русский поэт.

Да, о сионизме я читал достаточно много (Бегуна, Пигалёва, Соловьёва и пр.) и рассудком понимаю его разрушающую опасность. Но не мы ли сами всей своей последней историей готовили почву для его нынешнего торжества в своём национальном искусстве. Наверное, дело поэта — создавать свой мир, избегая русопятого кликушества, которое только на руку космополитическому жидовству. Только реально сотворённый мир может противостоять всему этому, но не разговоры о нём. Работать надо, Виктор, вот так, как ты работаешь. . .

Будь здоров, Виктор, — всего тебе доброго, и ещё раз огромное спасибо за книгу от меня и от моих друзей.

Виктор, дорогой, здравствуй!

Я тут всячески “пропагандирую” тебя, часто читаю твои стихи в студии, как образцы “голой”, но требующей технической оснастки, мысли. Хочу сказать, что школа твоей поэзии — наглядна необыкновенно, но тут же возникают споры, главный контраргумент которых: а как же быть с традицией фольклора, русской песни, классики, которые вовсе не гнушались формотворчества. Вот тут-то и помогают твои стихи, обнажающие главное, глубинное в поэзии, которое в стихах иных поэтов и вовсе отсутствует, являя собой мишуру и би-

жутерию всех и всяческих технических приёмов. Я и сам грешу этим, но моя поэзия идёт от верстака, где я, как опытный профессиональный резчик, знаю, что если ты мастер, то и имеешь право на приём. . .

Спасибо, Виктор, за поддержку, огромный привет тебя от наших молодых студийцев, любящих тебя, как и я, —
пиши,

присылай стихи, —
твой Евг. Курдаков

Усть-Каменогорск,
15 ноября 1982 г.

Здравствуй, дорогой Виктор!

. . . С этим “интернационализмом” здесь беда. Опять кампания, опять скудоумное и искусственное нагнетание т. н. дружбы. . . А на деле — милиция и чиновники сплошь казахи, а на заводах у станков — русские. И все благие намерения вышестоящих на фоне действительности выглядят опять всё той же ложью. . . А в русской секции СП и в единственном здесь журнале правят евреи: Ю. Герт, Руфь Тамарина, Ал. Жовтис, Морис Симашко (Шамис) и ещё с десяток. Эти тянут что-то своё, малопонятное и сложное. Они в этой скрытой междуусобице — как рыбы в воде и гораздо наглее и откровеннее, чем в центре. Недавно звонили, просили “разгромную” статью в “Простор”, и знаешь на кого? — на любимого мною В. Белова, на его “Всё впереди”. Я малость погорячился, и теперь мне и в этой помойке печататься уже едва ли придётся. . .

У нас здесь совсем плохо нынче. Хоздвор страны: бардак, карточная система, грязь. Каждый четверг трясёт соседний атомный полигон, и если в этот день идёт снег, то детей стараются не выпускать на улицу. Вот, ударили морозы, неделю было под 50°, вырубилась три котла у ТЭЦ, город почти замёрз, стали греться электричеством: полетели подстанции, сидели без света. Аэропорт закрыли, почты нет. Ну, и для полного “комфорта” рухнул единственный мост в городе и реку “форсируем” пешком, т. к. весь транспорт утонул в берег. Всё это дико в современном цивилизованном городе, но ещё более дико то, что эти дикости стали привычными.

И вот что удивительно: все мои друзья, которых я знаю, все — прекрасные мастера, умные и смекалистые люди, они всё умеют, много знают, любят работать. И вот эти люди поставлены в такое положение, что ни их ум, ни их руки золотые не могут их избавить от бардака, полунищеты, грязи, от стояния в очередях, от болезни простуженных детей, от идиотизма чиновников. . . Что же случилось, Виктор?

Какое-то мрачное письмо получается. . . Это, наверное, оттого, что сижу в пальто за верстаком своим, руки мёрзнут, а работать надо. . .

Твои письма удивительно светлы и бодры, после них становится спокойно. У меня к тебе просьба: расскажи о Ник. Рубцове, ты ведь знал его? Ребята очень просили меня об этом.

Всё хочу написать письмо В. В. Кожинову, накопились вопросы в связи с книгой (по языку, по истории литературы и пр.) — но боюсь, откровенно, его беспокоить, — он ведь загружен, наверное, под завязку, — просто неудобно дёргать человека своими пустяками. У него ведь таких сотни. . . Как он сейчас живёт, как здоровье его?

Извини за сумбур этот, за бессвязность, —
жму руку,
Евг. Курдаков
29 ноября 1982 г.

Виктор, дорогой, здравствуй!

Вот вернулся из Москвы, где проходили дни журнала “Простор”, — разбитый, больной.

Москва — нища, темна, уныла. Была сильная оттепель, всё тонуло в мокром жёлтом снегу, ходить было тяжело и скользко, магазины совершенно пусты, люди злы и разочарованы. Бродил по своей любимой Солянке, по Чистопрудному, — и эти маленькие церковки, загнанные в глубь дворов, навевали тоску страшную. Это же надо, богатейшую, щедрейшую в мире столицу вели-

кой страны с талантливейшим народом загнать в такую беспраздничную беспросветность!..

Получил книгу твою — замечательную². Всё близко, понятно до глубины души, всё — дорого. Как раз тут подоспел одноклассник Юрия Кузнецова (Дет. л-ра, 89 г., пред. В. Кожинова), — читал ваши книги наперебой, и произошло какое-то внутреннее слияние их, слияние высоты и ширины, мысли и — души. Наверное, это признак не просто сподвижничества, но чего-то большего, единоосновного...

Значит, скоро новоселье твоё. Поздравляю тебя и с этим, и с прекрасной книгой, и с Новогодьем. Да будет счастье тебе в новом доме. Обнимаю — всегда твой —

Евгений Курдаков

Здравствуй, Виктор!

Пожил на “озере стариков”, — спине и впрямь стало лучше. И тут же, осмелев, рванул на китайскую границу, — на Зайсан. Это — красивейшее озеро в огромной пустынной чаще между гор. Хотел просто убежать на какое-то время от этой поганой жизни, от бардака, который вокруг, — пожить в полном одиночестве, наедине с вечностью, что ли, — и, знаешь, вначале удавалось: захлебнулся солнцем, чистой водой, этими птицами. Ловил полупудовых щук и судаков... Но жизнь и здесь настигла. Сначала — полуголодные студенты стройотряда, возводящие тут какие-то строения, — кормил их рыбой. Потом — кооператоры-коммунары во главе с фанатиком с горящими глазами, — они разводят в этой пустыне питомник и бахчи, воют с природой и чиновниками, — я втянулся во всё это, и одиночество моё, вернее, сама необходимость его, стали совсем не такими необходимыми. Погрузился в жизнь кооператива, исписал целую тетрадь, и теперь, вернувшись, сажусь за очерк “Гуси над Зайсаном”, — вот обо всём этом... Да, живому не уйти от жизни, да это просто и не нужно...

Послал заявку на посещение Семипалатинского атомного полигона, может быть, удастся попасть на него: хочется понять, постичь его, особенно людей, которые работают там, — что у них за психика, о чём они там думают, сочетая в себе несочетаемое. Ведь здесь есть аулы и сёла, где заражённость доходит до 150 бэр! при предельно допустимой норме (для аварийных ситуаций) — 10 бэр. Болеют дети, рак и лейкоз косят людей, а у них мыло по талонам...

Ну, а моя книга, “Золотое перо иволги”³ — я не стал её форсировать, — это книга души, такое пишу потихоньку всю жизнь. Вот сделаю к зиме книгу очерков, может, ещё и стихи будут. Заявил здесь в местном издательстве книгу стихов о природе на 2 листа, нашёл для неё художника местного, хорошего талантливого парня, мы с ним много путешествовали вместе...

А у меня в ушах ещё шумит прибой Зайсана, крики гусей и чаек. На столе в чашке с водой мерцает разноцветная цеолитовая галька с берегов озера, лежит тяжёлая подкова от расколовшегося коня старого чабана Заде, который в своей юрте, угощая меня чаем с баурсаками, долго рассказывал мне о страшном времени коллективизации, времени еврея Голощёкина, убийцы полутора миллионов казахов... Пора за очерк...

Всего доброго, Виктор, поцелуй за меня своего малыша, — хочется верить, что им жить будет несравненно лучше.

*Ковыльный холм, волнуясь, серебрится,
И там над ним, развесив зеркала,
Журчит взахлёб полуденная птица,
Таинственно мерцая в два крыла.
То — жаворонок в знойном занебесье
Не устаёт собой напоминать,
Что песне нужен свет, чтоб сбыться песней,
А свету — песня, чтобы светом стать.*

Всего доброго, ещё раз, —
твой Евг.
30 июля 1989 г.
г. Усть-Каменогорск

Дорогой Виктор!

Да, с Вологдой у меня в тот раз не получилось по разным семейным обстоятельствам (дочери, квартира, тяжелейший многолетний разговор, который не завершён и до сих пор, и т. д.). Но сейчас всё утрамбовалось, с болью, с сердечной тяжестью, – и я опять стучусь в Россию. Послал в Вологду Карачёву образцы своей резьбы по дереву (т. н. “русская маховая резьба” – реставрированный мною ещё в мою музейную деятельность забытый наш национальный способ владения материалом и инструментом), – послал книги свои последние, публикации в журналах, – как “визитную творческую карточку”, – и жду хоть какого-нибудь решения вологодцев. В этом “сердце Киргиз-Кайсацкой орды”, как ты пишешь, жить мне настолько не вмоготу, что и описать невозможно. Особенно тяжела несправедливая травля из-за моих переводов Абая и очерков из его биографии⁴. . . Ну, да Бог с ними, они – дети, ещё и не ведают, что творят. . .

А я полон тоски по России, особенно после летнего путешествия в Новгород⁵ – к Святой Софии и в Старую Руссу к Достоевскому. . .

Заканчиваю сейчас совершенно новый (концептуально) перевод “Слова о полку Игореве”, которым я занимался потихоньку с 1984 года. Можешь себе представить, что ни одного т. н. “тёмного места” не осталось. Но перевод (охранного типа) оказался неожиданным ещё и тем, что он позволил совершенно по-новому взглянуть на русскую историю, резко удревнив её и т. д. . .

Может быть, пришлю его тебе, если удастся размножить. Ну, а если “помещусь” в Вологде, – то, конечно же, с удовольствием вручу это “дело своей жизни” прямо в руки: мне чрезвычайно важно твоё мнение об этом.

Спасибо за отзыв, – “Золотое перо” писалось между делами, и, в общем-то, всё было распубликовано допрежь. Поэтому книгу я сам как-то не вижу, слишком “знакомом”. Нужно сказать, что эта книга интересна другим: она, видимо, последняя русская книга Казахстана. Издательства закрываются, своей бумаги здесь нет, а та, что втридорога запускается, идёт на казахскую литературу.

Ну, как в газете? Не отвык от журналистики? Убийственное это, однако, дело для поэта. . . Хотя я тебя понимаю.

Обнимаю,

Пиши, –

Евгений Курдаков

1 декабря 1992 г.

г. Алма-Ата

Виктор, здравствуй!

Стихи твои – это как бы уже и не стихи даже (забываешь об этом, читая их), – это какой-то душевный стон, – волнуют и мучают, и так я понимаю тебя. . . Что сделали с жизнью, со всеми нами! И не просветляет ничего, вот, может быть, кроме работы каторжной, которую я выдумал для себя, эта книга моя – “Русский Пантеон”, которую пишу и пишу, зная, что почти в бездну, не ведая даже, кому и для чего. . .

Да, ты прав, есть у меня этакая “чистописательность”, и причина её проста, хотя и необратима: сын военных (мать и отец – военврачи), – всю жизнь мотались по Союзу необъятному, от Ашхабада – до Питера, одних школ сменил больше десятка. И не было у меня, вот как у тебя, к примеру, языковой родины (юг ли, север ли – не важно), где я мог впитать навсегда говорок ли какой-то, местную своеобыченку, которые, конечно же, оживляют и речь и стих. Потому-то и остались навсегда для меня “родиной стихов” – Пушкин да Бунин, – прекрасная, но нейтральная-таки (языково) хрестоматия. . . И всё это я, Виктор, знаю, а что делать. . .

Вот был недавно на хлебниковской могиле в деревушке Ручьи, что в Крестецком районе. К Хлебникову я равнодушен, понятно, но что-то в судьбе его нелепой и смерти трогает и волнует. Сделал барельеф (портрет его) из кедра, привёз в подарок деревенскому музейчику при клубе, чем больше напугал, чем обрадовал: “Теперь-то уж точно ограбят”, – сказала мне удручённо музейская старушка. . . И узнал там дикую вещь, – о том, что прах Хлебнико-

ва тайком был выкопан ещё в 60-х неким Митуричем и перезахоронен на Новодевичьем в Москве, где ныне регулярно устраиваются поэтические шашлыки. Но самое удивительное, – в спешке Митурич ошибся (могила в те годы была едва обозначена, её хорошо знали только местные), – и был выкопан и перезахоронен прах какого-то местного крестьянина, царство ему небесное, – умирал и не знал, что будет лежать в Белокаменной, а над прахом его будут каркать вознесенские и эпштейны...

Извини, что пишу об этих малоизвестных тебе вещах, но в них тоже какой-то символ и времени и судьбы...

А насчёт резьбы моей, – о чём речь! – закончу работу за письменным столом (пишу сейчас главу о “Влесовой книге”)⁶ и пересяду за верстак, – и сразу пришлю тебе чего-нибудь в стиле “русской маховой резьбы”.

Спасибо за добрые слова о журнале, передам редактору, – он, кстати, почитатель твоей поэзии.

Обнимаю тебя, – Евг.

8 июля 1994 г., г. Новгород.

Евгений Курдаков

Да, Виктор, гонорар, хотя и мизерный, тебе уже послали, но, кажется, по тому же ошибочному адресу. Проверь и напиши.

Е. Курдаков

Здравствуй, Виктор!

Передай привет Юрию Поликарповичу, он тебе тоже шлёт привет, спрашивал, как ты там, получаешь ли стипендию и т. д. Ведь это он выдвигал нас с тобою (мне здесь сказали).

Ты говоришь, что что-то должно произойти. Нет, здесь, в Москве такого ощущения нет. Эта банда окапывается всё глубже и всё шире. Из-под Москвы убрали полевые дивизии, заменили ОМОном и войсками МВД. Эти сволочи предусмотрели и возможную “корниловщину”...

Евреев, правда, в Москве стало меньше, это заметно, но всё равно всё в их руках, и как от этого дерьма отряхнуться, Бог знает.

Пришли каких-нибудь стихов новых, и мне – для души, да и пристроить (извини за такой термин) проще мне их, хотя твоё имя и без этого имеет здесь вес (в русской среде, естественно), а в Литинституте тебя знают все.

Всего тебе доброго. Вы молодцы там, в Галиче, не вешаете нос. Конечно, нужно что-то делать, а не ждать, иначе – сожрут...

Обнимаю, Виктор, –

Е. Курдаков

27 ноября 1994 г.

г. Москва

¹ Курдаков Евгений Васильевич (1940–2002) – поэт, прозаик, художник, эссеист, переводчик. Автор 12 книг стихов и прозы.

² Имеется в виду книга В. М. Лапшина “Дума-даль” (М., 1989).

³ Книга Е. В. Курдакова “Золотое перо иволги” вышла в Алма-Ате в 1992 году.

⁴ См. публикацию очерка Е. Курдакова “Абай” и переводы стихи Абая в ж. “Дружба народов” (№ 10, 1991).

⁵ После неудачи с переселением из Усть-Каменогорска в Вологду Е. В. Курдаков поселился в Великом Новгороде.

⁶ См. Евгений Курдаков. Влесова книга – реликт русской мифологии (“Молодая гвардия”, № 7, 1997).

Письмо Николая Шпилова¹

Здравствуй, Виктор! Не описать чувство, с которым я прочёл твоё письмо. И радость, и гордость за правильно выбранный путь, и сил прибавилось, пришло, а значит, и жить стало лучше.

Знаешь, Виктор, после той блокады, в которой я находился (блок ада) всякая радость ценна, а радостей было мало и я ловлю себя на том, что у меня нет привычки правильно переживать моменты радости. Кажется, что это происходит не со мной, с кем-то другим. Вот получил письмо от тебя и едва не заплакал. Такой я нынче инвалид.

К делу. Не буду пересказывать о своих скитаниях, об этой не цепочке, а цепи их, о том, как сквозь пальцы уходит время, как сердце от жалости и тоски разрывается, когда ощущаешь утечку этого времени, утрату рабочего состояния, а нет угла, где стоял бы стол, твоё рабочее место, и твои рабочие бумаги ждали бы или огня в печи или огня душевного. Смогу прислать тебе кое-что из неопубликованного ближе к зиме, просто всё в работе, на машинке, всё задействовано.

А ещё такой вариант. Хочу поехать в июле на Ленинград и очень, очень хочется доехать к тебе в Галич на недельку... Я ж ещё ни разу не был на Русском Севере, само название “Галич” для меня, как сказка, древнерусское дыхание.

Урывками пишу повесть “Шарабан”, думаю, что успею к 10 июля: срок сдачи в издательство, где меня ждут уже 4-й месяц². Кому станешь объяснять, что работать негде?

Сейчас снял квартиру (несколько дней назад), может быть, дело пойдёт веселей?

Витя, дорогой, если не поленишься, то напиши: возможно ли к вам в Галич завернуть? Те вещи, которые ты рекомендуешь почитать: где они опубликованы? За статью об отце М. Ю. Лермонтова – благодарю, впервые я имею информацию, которую не имеют многие литературно-ненавистные-веды. Дали б мне одного из них – озадачил бы непременно. Но это глупая шутка, информация дорога сама по себе.

Жду письма, Виктор, желаю тебе острого русского пера, не сомневаюсь в нём. Привет от Сергея и Марины Ключниковых (они брат и сестра). Жму твою честную руку, Николай Шпилов.

3/VII-84 г.

¹ Шпилов Николай Александрович (1946–2006) – поэт, прозаик, автор нескольких книг прозы и популярных песен (“После бала”, “Пехота”, “Баллада о брате”, “Дурак и дурнушка”, “Деревя” и др.), Лауреат литературной премии “Традиция”. В журнале “Литературная учёба” (кн. 2, 1991) было напечатано предисловие Н. Шпилова “Вдалеке от славы” к подборке стихотворений В. Лапшина.

² Книга “Шарабан” вышла в Москве в 1987 году.